

ПРАВО КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Н. Влазнев, А. И. Анапольская

*Тамбовский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Тамбов*

Рецензент канд. юрид. наук, профессор В. В. Назаров

Ключевые слова: верховенство правовых законов; гражданская активность; гражданское общество; политико-правовое сознание; правовое государство; правовое регулирование; публично-властная деятельность; социально-правовые реформы; субъективные права индивидов; формально-юридические гарантии свободы.

Аннотация: Исследованы вопросы теории и практики функционирования правового государства, взаимодействующего с институтами гражданского общества в современной России. Обозначены новые подходы при дальнейшем исследовании института правовой государственности и его трех основных признаках.

Понятие правового государства предполагает достаточно высокий уровень развитости государственности и права. «Правовое государство – это государство, обслуживающее потребности саморегулирующегося общества. Оно обеспечивает режим господства права и создает надежные гарантии от административного вмешательства в саморегулирующиеся процессы жизнедеятельности общества, защищает интересы производителей и потребителей социальных благ в рамках общедоступной надлежащей правовой процедуры разрешения споров» [1 – 3].

Правовое государство – система институциональных и формально-юридических гарантий, обеспечивающих неприкосновенность и плюрализм собственности, самостоятельность и равную меру свободы производителей и потребителей социальных благ.

Влазнев Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публичное право»; Анапольская Алина Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публичное право», e-mail: alinaanapolskya@mail.ru, Тамбовский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Тамбов.

Минимальная (неотчуждаемая) и максимальная меры свободы, о которых идет речь, определяются реальными возможностями общества, уровнем развития права. Нормы, выражающие меру свободы, фиксируются в конституции и законах. В связи с этим предложено рассматривать три основные признака правовой государственности.

Первый признак – верховенство правовых законов и среди них конституции как основного закона. Данному признаку соответствует собственно правовой компонент (социальное регулирование, по принципу права, означающему формальное равенство участников социального обмена). В правовом государстве конституция должна закреплять минимальную (неотчуждаемую) меру свободы индивида в данном обществе (права человека и гражданина) и тем самым устанавливать, что никому – ни частному лицу, ни органу государственной власти – не может быть дозволено то, что ущемляет минимальную неотчуждаемую свободу. В конституции и законах (но не в подзаконных нормативных актах) путем запретов общественно вредного должна закрепляться равная максимальная мера свободы всех, исключая привилегии.

Второй признак – формально-юридические гарантии свободы, самостоятельности и собственности, гарантии не только для индивида, но и для объединений, ибо в современном обществе человек удовлетворяет свои интересы и реализует свою свободу, вступая в различные ассоциации.

К числу формально-юридических гарантий относятся прежде всего права и свободы человека и гражданина, а также иные субъективные права индивидов и ассоциаций, вытекающие из конституции и законов. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что все эти права могут быть формально юридическими гарантиями свободы, самостоятельности и собственности не сами по себе, а лишь тогда, когда никакие государственные органы и никакие должностные лица одновременно не обладают полномочиями, фактически ограничивающими права индивидов и ассоциаций.

Особые гарантии свободы, самостоятельности и собственности дают надлежащие процедуры регулирования различных социальных интересов. Они имеют двойственную природу. С одной стороны, нормы, регламентирующие эти процедуры в области конституционного или процессуального права, могут быть отнесены к разряду формально-юридических гарантий. С другой – реальность этих процедур должна создавать систему институциональных гарантий свободы, самостоятельности и собственности (институционально-правовая компонента).

Третий признак – разделение властей. С точки зрения правовой мета-теории государства, государственная власть состоит из трех относительно самостоятельных «ветвей», каждая из которых имеет свою природу и свое юридическое обоснование. Эти «ветви» – законодательная, исполнительная (правительственная или правительственно-административная) и судебная – обособились в процессе разделения труда по управлению обществом и отчетливо обозначились как три основополагающие институционально-правовые формы публично-властной деятельности при выполнении государством своей правовой задачи.

Данная деятельность складывается из законотворческой, в рамках которой должны достигаться фиксирование и формулирование прав в законе

(в общих правилах должного), правоприменительной, в рамках которой административный государственный аппарат может вмешиваться (в пределах предписанного и дозволенного правом) в общественные отношения и контролировать соблюдение правопорядка, и правоохранительной деятельности, в рамках которой отдельные сталкивающиеся интересы приводятся в соответствие с правом, выраженным в законе. Обособление этих трех направлений правовой сущности государства и соответствующих им институционально-правовых форм происходило в процессе политико-правового прогресса и служит показателем высокого уровня развития государственности и права.

Обособление в процессе разделения труда именно этих направлений и соответствующих им форм не есть просто проявление некоей целесообразности, упорядочивающей управление обществом. Это проявление правовой природы государственности в целом и естественных различий правовой природы тех направлений и форм публично-властной деятельности, которые различаются генетически и онтологически. По мере того, как в ходе истории все больше проявлялось правовое начало государственности, обособлялись именно законодательная, исполнительная и судебная власть, но не «контрольная» или, скажем, «карательная», потому что именно эти три власти и только они (четвертой не дано) выражают в целом зависимость государства от общества и все существующие уровни этой зависимости.

Все перечисленные признаки правовой государственности, особенно требования правового закона, режима господства права и ряд требований, вытекающих из разделения властей, формулируются и выдвигаются лишь со стороны определенного типа правопонимания, а именно с позиции теоретического различия права и закона. Подобные требования невозможно предъявить с позиции позитивистского типа правопонимания, при котором право и закон отождествляются и потому основным признаком «правовой государственности» объявляется верховенство закона.

Реальность правового государства, то есть более или менее полное воплощение принципов правовой государственности в политико-правовой действительности, достигается только в эпоху индустриального общества. «Круг отношений, имеющих правовую форму, исторически изменчив и отражает историческую эволюцию от деления на свободных и несвободных до признания формальной свободы всех» [4].

Более того, конституционное государство, то есть государство, в котором соблюдается конституционная законность, может быть полицейским, если конституция предоставляет дискреционные полномочия правительству или «дарует» гражданам права по принципу «все, что не дозволено, запрещено». В связи с этим интересны рассуждения сторонника конституционного легализма А. А. Малицкого, который в период становления советской власти в 20-е годы XX в. полагал в духе позитивистского отождествления права и закона и в соответствии с традицией конституционализма XIX в., что правовое государство – то, в котором деятельность органов власти как законодательной, так и правительственной, так равно и судебной, определяется законом. Не надо смешивать, пояснял А. А. Малицкий, понятие «правовое государство» как государство, проводящее «пра-

вовой режим», то есть подчиненность всех органов государственной власти закону с понятием «правового государства» как теории государства, ограниченного «правами личности».

Утверждение, что все права даруются индивиду государством, равносильно признанию такой возможности, когда власть отберет завтра то, что она дарует сегодня. Возможно лишение права на законный суд, права на человеческое достоинство, а также права на жизнь. Но для А. А. Малицкого правовое государство – это государство, действующее в рамках законности. И в своих рассуждениях, возможно, сам того не желая, он продемонстрировал, что правовое государство может быть и в полицейском государстве, если полицейская власть узаконена правом. В правовом государстве закон, ограничивающий свободу каждого в интересах общества, позволяет выступить раньше, чем какое-нибудь нарушение прав было произведено, с целью предупредить акты, противные праву. Для этого закон, как полагал А. А. Малицкий, дает власти особые полицейские полномочия. Он был убежден, что полицейское подавление свободы на законном основании – это признак правового, а не полицейского государства; полицейское же государство он наделял самыми мрачными чертами произвола и тотального контроля.

Конечно же, А. А. Малицкий идеализировал советскую действительность времен нэпа. Но важно другое: авторитарный режим, предшествующий советской «схеме» построения государства, тоже можно понять и описывать в категориях конституционной законности, в рамках правового государства, если отрицать связанность власти дозаконотворческими требованиями и отношениями.

Российские либеральные конституционалисты: А. С. Алексеев, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, Н. М. Коркунов и многие другие, в период буржуазно-демократических преобразований российского самодержавия доказывали, что Россия не имеет ничего общего с правовым государством, и противопоставляли «конституционному государству», в котором правительственная власть в установленных пределах может быть не связана законом, «правовое конституционное государство», в котором правительственно-административным органом запрещено все, что прямо не дозволено законом [4]. Это уже более высокий уровень конституционализма, понимание конституции в качестве совокупности формально-юридических гарантий свободы индивида в общественных отношениях. Причем, если сторонники позитивистского типа правопонимания не объясняли, да и не были в состоянии объяснить природу связанности государства и его органов конституцией и основанными на ней законами, то сторонники естественно-правовой идеологии (В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский) прямо связывали понятие конституционного (правового) государства с безусловными требованиями ограничения государственной власти неотъемлемыми, ненарушаемыми и неприкосновенными правами личности и объясняли их абсолютный характер в отношении гражданина с подзаконной правительственной власти [5, 6].

Таким образом, в контексте последовательного осмысления политико-правовым сознанием различных форм и уровней ограничения публично-властного произвола правом, форм защиты и выражения свободы в кон-

кретно-исторических условиях следует выделять, прежде всего, понятие «государства законности, или конституционного государства законности». В этих вопросах мы солидаризируемся с мнением и аргументацией В. А. Четвернина [7]. Данное понятие не отрицает возможности широких дискреционных полномочий правительственно-административной власти и допускает установление законных полномочий по принципу «разрешено только то, что не запрещено конституцией (законом)», а потому данным понятием могут описываться и государство, соблюдающее режим господства права, и полицейское государство, бесцеремонно вмешивающееся в сферу гражданского общества.

Совсем иной смысл имеет понятие конституционного правового государства, в котором «конституционность» означает установление границ возможного государственного вмешательства в свободную сферу гражданского общества, а допустимая возможность такого вмешательства регламентируется в соответствии с принципом «запрещено все, что прямо не дозволено правом». Причем связывающим государство правом признаются те или иные до- и незаконотворческие принципы, требования и отношения как конкретные формы выражения объективной меры свободы.

Понятие конституционного правового государства с необходимостью предполагает институт административной юстиции, поскольку гражданин вступает в административно-правовые отношения как субъект публичных прав, одной из неперемennых гарантий которых служит общедоступная возможность возбуждения судебной процедуры рассмотрения административно-правового (государственно-правового) спора. Далее, поскольку это понятие исходит из естественных прав человека, то предполагается и существование институтов абстрактного и конкретного контроля за материально-правовой конституционностью актов законодателя.

Понятие конституционного правового государства ограничивается в этом смысле констатацией того факта, что публичные объективные права существуют, имеют естественное происхождение, подлежат эксплицитному выражению в формальных источниках права и непрерывному толкованию компетентными органами в меняющейся социально-исторической ситуации.

Данные вопросы снимаются понятием демократического конституционного государства, в котором механизм генезиса права и его трансформации в правовой закон – адекватная с точки зрения права форма организации и функционирования власти в ее взаимоотношениях с субъектами права раскрываются как демократия. Здесь демократия означает, прежде всего, естественно-исторически складывающуюся систему структур, механизмов и отношений, позволяющую саморегулирующемуся гражданскому обществу оказывать непосредственное или опосредованное воздействие на формирование, организацию и функционирование публичной политической власти в интересах обеспечения и защиты объективно необходимой в общественных отношениях меры свободы.

Демократия – весьма неоднозначный и противоречивый способ трансферта «правовой материи» из социальной среды в мир государствен-

ных структур, институтов, коммуникаций и актов. Но лучшего пути, видимо, быть не может. Помимо права, демократия может привносить в жизнедеятельность государства и «неправо», и даже «антиправо», но это скорей исключение, чем правило, во всяком случае в развитом индустриальном обществе. Поэтому можно сказать, что специальная концепция правового государства в эпоху развитого индустриального общества и перехода к постиндустриальному развитию – концепция демократического конституционного государства.

Гражданское общество подразумевает законопослушность граждан. Становление гражданского общества можно считать стратегической целью реформ. Только оно станет подтверждением положительного итога коренных преобразований в России.

В этой связи невозможно переоценить значение Устава ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 декабря 1970 г., Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки от 1 августа 1975 г., Венских конвенций 1978 и 1983 гг., анализ решений Европейского суда в сфере правоприменительной практики России [8]. На основе этих и других международных актов регулируется правосубъектность индивидов, неправительственных организаций и транснациональных корпораций.

Социальная ценность права в общественной и государственной жизни – единственный признак правового гражданского общества. В этой связи можно выделить два аспекта роли права как основы взаимодействия общества и государства. Во-первых, *формально-легальный* или господство закона, связанность общества и государства всех участников общественной жизни законом. Режим законности действует как в правотворчестве, так и в правопонимании. Во-вторых, *содержательно-правовой* аспект, когда закон есть лишь форма права. В этом случае право не тождественно закону, который должен быть связан принципами права, вытекающими из сущности и цели общественного и государственного строя.

Проводимая в России правовая реформа призвана не только восстановить ценностные качества права, закона, но и обеспечить его соответствия принципам, на которых укрепляется связь гражданского общества и государства. Для правового общества и государства необходимо, чтобы в самом законе были закреплены и конкретизированы юридические принципы, экономические, политические, социально-культурные, личные и иные права человека, соответствующие гуманной природе демократического общества.

В обеспечении соответствия нормативных актов государства юридическим принципам общества особое место принадлежит Конституции РФ, в которой фиксируются основные права и юридические начала, обязательные для всех участников правовых отношений.

Однако имеет место противоречие между, с одной стороны, значительным приростом научных знаний о конституциях различных стран, а с другой, – неразработанностью конституционных законов и неэффективным действием конституционного законодательства, в которых эти знания реализованы.

Конституционно-нормативные акты образуют основу правовой системы гражданского общества лишь тогда, когда они находятся в иерархической соподчиненности и легально, и по существу (соответствуют принципам права). В противоположной ситуации возникает несогласованность и деформация системы, в результате чего урегулированность и порядок не достигаются в силу авторитарных правонарушающих действий. Решить накопившиеся проблемы может только правовое государство, самоуправление населения, демократия, плюрализм в общественной жизни.

Самой высокой степенью становления права, раскрывающего его потенциал, является не просто правовое государство, а его развитие, продолжение – правовое общество, в котором устанавливается верховенство права.

Список литературы

1. Венгеров, А. Б. «Несущие конструкции» правового государства / А. Б. Венгеров // Право и власть / под общ. ред. М. П. Вышинского. – М. : Прогресс, 1990. – С. 96 – 112. – (Перестройка: гласность, демократия, социализм).
2. Фридман, Л. Введение в американское право : пер. с англ. / Л. Фридман. – М. : Прогресс, 1993. – 286 с.
3. Мушинский, В. О. Правовое государство и правопонимание / В. О. Мушинский // Совет. государство и право. – 1990. – № 2. – С. 21 – 28.
4. Нерсесянц, В. С. Концепция советского правового государства в контексте историй учений о правовом государстве / В. С. Нерсесянц // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; ред. кол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1989. – С. 45 – 67.
5. Матузов, Н. И. О принципе «не запрещенное законом, дозволяется» / Н. И. Матузов // Совет. государство и право. – 1989. – № 8. – С. 3.
6. Алексеев, С. С. Право: время новых / С. С. Алексеев // Совет. государство и право. – 1991. – № 2. – С. 3 – 5.
7. Четвернин, В. А. Демократическое конституционное государство / В. А. Четвернин. – М. : Наука, 1993. – 141 с.
8. Краснослободцева, Н. К. Влияние решений Европейского суда на законодательство и правоприменительную практику России / Н. К. Краснослободцева // Управление и общество: инструменты и механизмы эффективного взаимодействия : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., 14 мая 2014 г. / Адм. Тамб. обл., Тамб. фил. Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; под общ. ред. О. Н. Андреевой, С. И. Волкова, А. А. Головиной. – Тамбов, 2014. С. 113 – 114.

References

1. Vengerov A.B. *Pravo i vlast'* (Law and Power), Moscow: Progress, 1990, pp. 96-112.
2. Fridman L.M. *American Law*, New York, London: W-W-Norton & Company, 1984.
3. Mushinskii V.O. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1990, no. 2, pp. 21-28.
4. Nersesyants V.S. *Sotsialisticheskoe pravovoe gosudarstvo. Problemy i suzheniya* (Socialist rule of law. Problems and judgments), Moscow, 1989, pp. 45-67.
5. Matuzov N.I. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1989, no. 8, p. 3.
6. Alekseev S.S. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 2, pp. 3-5.

7. Chetvernin V.A. *Demokraticeskoe konstitutsionnoe gosudarstvo* (Democratic constitutional state), Moscow: Nauka, 1993, 140 p.

8. Krasnosvobodtseva N.K. *Upravlenie i obshchestvo: instrumenty i mekhanizmy effektivnogo vzaimodeistviya* (Management and Society: the tools and mechanisms for effective the interaction-tions), Proceedings of the IX All-Russian scientific-practical conference, 14 May 2014, Tambov, 2014, pp. 113-114.

Law as the Basis for Interaction between Civil Society and the State in the Russian Federation

V. N. Vlaznev, A. I. Anapolskaya

Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov

Keywords: civic engagement; civil society; constitutional state; formal legal guarantees of freedom; governmental activity; legal regulation; political and legal consciousness; rule of law; social and legal reforms; subjective rights of individuals.

Abstract: The authors of this study discussed the problems of the theory and practice of constitutional state, cooperating with institutions of civil society in modern Russia. New approaches to future research of the institute of legal statehood and its three main features were identified.

© В. Н. Влазнев, А. И. Анапольская, 2015